

ЧИТАЙТЕ В ЦИКЛЕ

ПРЕКРАСНЫЕ ДЬЯВОЛЫ

Запутанная игра

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

ЕВА ЭШВУД

Занятая

ИГРА

Freedom

МОСКВА
2025

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Э98

Eva Ashwood

TWISTED GAME

Copyright © 2025 by Eva Ashwood

Художественное оформление Анастасии Яковенко

Эшвуд, Ева.

Э98 Запутанная игра / Ева Эшвуд ; [перевод с английского Ю. Серegiной]. — Москва : Эксмо, 2025. — 512 с. — (Freedom. Прекрасные дьяволы. Темные романы Евы Эшвуд).

ISBN 978-5-04-200624-1

Я всегда была невидимкой. Но они меня заметили.

Всю свою жизнь я могла положиться только на себя: мои родители мертвы, приемной матери не до меня, девчонки в кампусе травят за шрамы. Отчаянно нуждаясь в деньгах, я решаю продать единственное, что у меня есть, — невинность. В ту ночь, когда я должна была отдаться жестокому мафиози, в номер, словно темные тени, ворвались трое парней и убили его прежде, чем он успел ко мне прикоснуться. Я была уверена: теперь умру и я. Но они оставляют меня в живых. Трое опасных братьев сделают все, чтобы я держала язык за зубами, даже если ради этого придется следить за каждым моим шагом. Каким-то образом для каждого из них я становлюсь чем-то большим. Страстным желанием. Навязчивой идеей. Искушением. Как бы сильно я ни пыталась отрицать пугающее влечение, которое пульсирует между нами, я знаю: если не найду выход из этой запутанной игры, их тьма меня поглотит.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-200624-1

© Серегина Ю., перевод на русский язык, 2024
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ:

Это темный роман, и в нем есть темы,
которые могут кого-то задеть. Пожалуйста,
читайте на свое усмотрение.

*Для всех читательниц, которые любят, когда их
книжные бойфренды — сплошной красный флаг.*

Я, к слову, обожаю красный.

Уиниду

— Вы не оплатили оставшуюся часть за этот семестр, — категорично заявляет мужчина за стойкой. — Если не внесете плату в ближайшее время, вас отчислят.

Звуки, доносящиеся из офиса администрации Университета штата Уэйн, будто бы отходят на второй план, и я сжимаю руки на коленях, чувствуя, как нервы заставляют внутренности сжаться. Проклятье. Я знала, что так и будет. В тот момент, когда я открыла электронное письмо с названием: «СРОК ОПЛАТЫ ЗА ОБУЧЕНИЕ», полученное от администрации этим утром, у меня внутри все оборвалось. Я еле-еле сводила концы с концами, держась на нескольких небольших стипендиях, которые мне удалось собрать, но на прошлой неделе одна из них была отменена, и я не смогла покрыть разницу.

— Знаю, — говорю я, крепко сжимая пальцы. — Я претендовала на стипендию, но ничего не вышло, к сожалению. Может, у вас есть какие-нибудь другие стипендии, на которые я могла бы претендовать?

Я очень стараюсь, чтобы это не прозвучало так, будто я умоляю, но скрыть нотки отчаяния в голосе трудно.

Мысль о том, что меня могут выгнать из колледжа, вызывает у меня тошноту. Мне двадцать два года,

и я учусь только на втором курсе, что делает меня старше всех остальных студентов на моем курсе. Я отстаю с тех пор, как поступила сюда, и если меня выгонят из-за неуплаты, мне придется начинать все сначала где-нибудь в другом месте.

Единственный способ добиться чего-то в жизни и выбраться из дерьмового мира, в котором я родилась, — это получить образование. Я должна достичь лучшего, а это значит, что мне нельзя упустить этот шанс.

Я не могу потерять свое место в этом колледже.

— Имя и фамилия? — бормочет мужчина.

— Уиллоу Хейз, — говорю я, подавляя желание напомнить ему, что всего несколько минут назад он назвал меня по имени, когда подозвал к своему столу. Ясно, что он уже раздражен необходимостью общаться со мной, и я не хочу больше его злить.

Мужчина тяжело вздыхает и начинает печатать, его пальцы быстро порхают по клавиатуре. Кажется, у него уходит целая вечность на то, чтобы просмотреть мои записи, а когда он снова поднимает взгляд, выражение его лица еще более пренебрежительное, чем раньше, если такое вообще возможно.

— Ах. Я вижу, вы не окончили старшую школу. — Он поджимает губы. — Сдали только общеобразовательный экзамен, в довольно... солидном возрасте.

Я сжимаю губы, стараясь сохранить нейтральное выражение лица. Двадцать лет — не так уж и далеко от того времени, когда большинство людей получают аттестат о среднем образовании, и «солидный возраст» звучит так, будто я какая-то бабулька.

— Да, именно так, — подтверждаю я.

— К сожалению, это означает, что другие стипендии, увы, недоступны. Сроки получения тех, на которые вы могли бы претендовать, уже истекли. Мне жаль.

От снисходительности в его голосе у меня сводит зубы. Я могла бы многое рассказать ему о том, почему я получила только аттестат об общем образовании вместо настоящего диплома. Например, как мне приходилось работать всю старшую школу, прежде чем я окончательно бросила ее, или как моя приемная мать так часто забирала меня из школы, когда я росла, что у меня едва хватало времени хоть чему-нибудь научиться.

Но для него все это не имело бы никакого значения, так что я молчу об этом.

— Я что-нибудь придумаю, — обещаю я. — Оплачу оставшуюся часть обучения из своего кармана, если понадобится. Мне просто нужно еще немного времени, чтобы раздобыть деньги.

— Ага. — Он скептически набирает что-то на компьютере. — Я могу дать вам время до конца следующей недели, чтобы перевести платеж. Но после этого ваша регистрация будет отменена.

С трудом сглатывая, я киваю.

Не так уж много времени, да и денег придется достать довольно прилично. Но я говорила серьезно. Я что-нибудь придумаю.

— Следующий! — кричит мужчина, заглядывая мне через плечо и жестом приглашая другого студента подойти к стойке. Этим он дает мне знак, чтобы я проваливала отсюда. Из офиса я выхожу с гудящей головой и скрученным в узел желудком.

Я чувствую себя дерьмово, но, по крайней мере, учебный день закончился, и мне больше не нужно сидеть на уроках. Я иду по кампусу с опущенной головой, не желая встречаться взглядом ни с кем из тех, кто слоняется поблизости. У меня сейчас совсем нет желания связываться с Эйприл Симмс и ее сворой сучек, ведь

если те начнут мучить меня, как обычно, я могу просто сойти с ума.

К счастью, пока я направляюсь к автобусной остановке на окраине кампуса, я с ними не сталкиваюсь, и мне удается добраться до места как раз к тому моменту, как подъезжает автобус. Моя первая удача за этот проклятый день.

Я плюхаюсь на потертое сиденье и тяжело вздыхаю, закрывая на секунду глаза, и пытаюсь избавиться от давящего на меня чувства тяжести.

Неудивительно, что это не срабатывает.

Прислонившись головой к окну, я прислушиваюсь к грохоту автобуса, который медленно едет по улицам Детройта. Через несколько остановок я выхожу из автобуса и прохожу три квартала до стрип-клуба, где работаю официанткой в баре.

«Сапфир» — один из многих стриптиз-клубов в этой части Детройта, я проработала здесь последние два года, подстраивая смены под школьный график так часто, как только могла. У меня даже не было времени заехать домой между уроками и работой, поэтому я закидываю школьную сумку повыше на плечо, направляясь в заднюю комнату.

Время близится к вечеру, так что в клубе еще не так много народу. Только уже изрядно выпившие завсегдатаи, которые сидят в баре или рядом со сценой и лениво разглядывают танцовщиц второго состава, кружащихся по сцене. Это самые печальные клиенты, которых можно здесь наблюдать, те, кому не повезло по жизни, или они изменяют супруге, или просто настолько погрязли в депрессии, что приходят сюда просто почувствовать хоть что-то, пока все остальные еще на работе.

Проскользнув в туалетную комнату, я переодеваюсь из уличной одежды в униформу официантки — облега-

ющее платье с высокой посадкой на бедрах и глубоким вырезом спереди. Когда я одергиваю подол платья, немного поправляя его, волнистые волосы рассыпаются по плечам.

И все же, как бы сильно я ни оттягивала ткань платья, шрамы от ожогов на моей правой руке, правом бедре и левой ноге все еще видны, хотя те, что покрывают часть ребер и спины, скрыты. Они уже давно зажили, но искалеченная плоть все еще уродлива и бугриста, а в люминесцентном свете туалетной комнаты отметины выглядят еще хуже.

Если посмотреть на другую девушку с такими же, как у меня, светлыми волосами, тонкими чертами лица и светло-кариими глазами, она могла бы показаться привлекательной, однако я уверена — люди видят лишь мои шрамы, когда смотрят на меня.

— Это не важно, Уиллоу, — напоминаю я себе, шепча эти слова своему отражению. — Все равно все здесь смотрят только на танцовщиц.

Я делаю глубокий вдох и одергиваю юбку платья как можно ниже, затем выскальзываю из туалета, чтобы приступить к работе. Столы начинают заполняться, и я совершаю обход на автопилоте, а в голове все еще крутится ультиматум, который я получила ранее.

Я должна придумать, как оплатить оставшуюся часть обучения в этом семестре, иначе меня отчислят.

Кто-то громко свистит, и этот звук перекрывает гул разговоров и ритм музыки. Я поворачиваюсь и вижу, как одна из танцовщиц заканчивает свой танец, подмигивает толпе и собирает чаевые, прежде чем уйти со сцены.

Черт, если бы я только могла так делать.

Танцовщицы зарабатывают, наверное, в десять раз больше, чем я. Даже те, кто не так популярен, к концу

вечера обычно уходят с кучей наличных. Формально посетители должны давать мне чаевые за то, что я подаю им напитки, но большинство из них сохраняют мелочь, чтобы швырять ее танцовщицам или засовывать им в стринги, так что я зарабатываю немногим больше той почасовой оплаты, которую платит мне Карл.

Пока я ставлю поднос с напитками на столик в глубине зала, эта мысль засекает у меня в голове, и я прикусываю губу, когда возникает дикая, безумная идея. Прежде чем я успеваю отговорить себя, я ставлю пустой поднос у бара и, сделав глубокий вдох, направляюсь в заднюю часть клуба, в кабинет босса.

Дверь приоткрыта, и я заглядываю внутрь. Он сидит за столом и смотрит прямую трансляцию из зала клуба. Наблюдает за танцовщицами, скорее всего.

— Эм, Карл? — спрашиваю я, стуча в дверной косяк. — Могу я с тобой поговорить минутку?

Когда я открываю дверь шире, он переводит взгляд на меня, немедленно вспыхивая раздражением. Карл Глисон — директор «Сапфира», и никаких вопросов, почему именно он руководит стриптиз-клубом, никогда не возникало, учитывая его «дружелюбность» с девочками-танцовщицами, а также тот факт, что на его компьютере всегда идет прямая трансляция прямо со сцены. До того, чтобы швырять по раздевалкам и исподтишка зыркать на голых девчонок, ему осталось совсем чуть-чуть, рукой подать. И я даже думать не хочу, чем он занимается тут, в своем кабинете, пока никто не видит.

— Уиллоу, — приветствует он меня, и в его голосе уже слышится раздражение. — Чего ты хочешь?

Желудок сжимается, кожу покалывает от волнения, но я поднимаю подбородок и иду ва-банк.

— Хотела спросить, может, я смогла бы начать танцевать? Мне нужны деньги.

Этот вопрос определенно привлекает его внимание, брови поднимаются к линии залысин. Пристальный взгляд пробегает по моему телу сверху вниз, и во всем этом сканировании есть нечто пренебрежительное и грубое одновременно. Я чувствую, как он рассматривает каждый изгиб и каждый шрам, и борюсь с желанием прикрыться.

Наконец, он качает головой.

— Нет, — говорит он, задерживая взгляд на заметных участках шрамов. — У тебя хорошая фигурка, но никто не захочет видеть это дерьмо. Мужчины, которые приходят сюда, уже пытаются сбежать от уродливых, ворчливых сук, на которых они женились, поэтому они хотят посмотреть, как красивые телочки трясут тем, что у них есть, на сцене. А не наблюдать за каким-то цирковым представлением.

Я сжимаю челюсти и с трудом сглатываю. Слова резкие, неприятные. Они одновременно и ранят меня, и бесят. Но я не могу позволить себе сорваться на него и рискнуть потерять работу. Это только усугубит мою ситуацию.

— На самом деле, именно поэтому я подумала, что, возможно, это было бы хорошей идеей, — говорю я. — Мои шрамы, может, и уродливы, но они делают меня другой. Уникальной. Люди ходят в цирк не просто так — они хотят увидеть то, чего не смогли бы увидеть нигде больше. Ты мог бы сделать из этого рекламный ход, представить то, чего нет ни в одном другом стриптиз-клубе.

И хотя мой голос остается спокойным, сердце бьется сильнее. По сути, я предлагаю ему сделать из меня участницу шоу уродцев, чтобы люди глазели на меня, смеялись надо мной или удовлетворяли свой странный фетиш со шрамами, наблюдая, как я танцую. Даже

думать об этом унизительно, но, по крайней мере, это принесло бы мне больше денег, чем подача напитков.

Карл прищуривается и склоняет голову набок, обдумывая мои слова. Затем потирает переносицу и качает головой.

— Нет. Прости, милая. Не могу.

Меня охватывает разочарование, и я опускаю взгляд в пол, чтобы Карл не увидел его в моих глазах.

— Ну, ладно, — бормочу я, поворачиваясь к двери. — Хорошо. Извини, что отняла у тебя время.

— Стой, стой, — кричит Карл мне вслед, когда я уже собираюсь уходить. — Подожди-ка. Тебе реально нужны деньги?

Я останавливаюсь, взявшись за дверную ручку.

— Да.

— Ты девственница?

Сердце замирает, и я оборачиваюсь. Щеки горят.

— *Что?*

Это не ответ на его вопрос, но, судя по тому, как он ухмыляется, моя реакция стала именно тем ответом, который был ему нужен.

— Ага. Так и думал, — растягивает он слова, откидываясь на спинку стула. — Девчушка вроде тебя точно девственница. С этим можно работать.

— О чем ты говоришь? — спрашиваю я, стараясь, чтобы это прозвучало не так оскорбленно, как я себя чувствую.

Он просто продолжает ухмыляться мне этим приводящим в бешенство взглядом, снова скользя глазами по моему телу.

— Я не приглашаю тебя на свою сцену, но есть много мужчин, которые заплатили бы кучу денег за девственную киску, и плевать на то, что за девушке она принадлежит. Если ты серьезно нуждаешься в деньгах,